

искусство на разных меридианах

ВРЕМЯ БОРЬБЫ И НАДЕЖДЫ

«Все чаще в нашей библиотеке в последнее время я слышу имя «Маркес». Вот и опять в одном из номеров «Иностранной литературы» опубликован его новый роман «Хроника объявленной смерти», правда, номер этот никак не достать. В чем причина так неожиданно возникшей популярности этого писателя из Колумбии? Хотелось бы узнать подробнее и о творчестве других, тоже сейчас очень популярных писателей Латинской Америки, — Варгаса Лосы, Скорсы, Кортасара, Бастоса.

Т. ГОРОШКО

ВЗЛЕТ популярности латиноамериканского романа в последние два десятилетия — явление чуть ли не беспрецедентное в истории литературы. Эти романы, в которых отразились прогрессивные тенденции современной литературы этих стран, читают в самых удаленных друга от друга странах и самые различные категории читателей. Может быть, этот интерес — не более чем дань моде? Безусловно, что-то от моды есть в том, как расхвываются новинки ведущих латиноамериканских авторов. А в то же время самые известные литературоведы и критики во всех частях света удостоверяют высокой пробой качество их произведений.

Возникла новая латиноамериканская проза не на пустом месте. Еще в 40-е и 50-е годы получили международную известность романы гватемальца Мигеля Анхеля Астуриаса, бразильца Жоржи Амаду, кубинца Алехо Карпентьера. И все же это был период как бы подспудного накопления сил. А потом, на рубеже 60-х годов, произошел взрыв, неожиданный, непредсказуемый. Для нас первым было знакомство в 1970 году с переводом романа Маркеса «Сто лет одиночества». А за ним мы узнали имена мексиканцев Фуэнтеса и Рульфо, перуанцев Варгаса Лосы и Скорсы, Кортасара из Аргентины, венесуэльца Отеро Сильвы, парагвайца Бастоса, представивших нам литературу континента в полный рост.

Предпосылки столь бурного расцвета латиноамериканской прозы нужно искать в специфике социально-исторического опыта континента. Его духовный облик формировался в особых обстоятельствах. Здесь смешались, сплывались воедино американо-индейский, европейский, африканский этнические типы. Здесь сталкивались и взаимодействовали разнородные культурные пласты, несколько мировоззрений. Вождь борьбы латиноамериканцев за независимость Симон Боливар имел все основания сказать: «Мы — это весь род человеческий в сжатом виде». Подобное смешение рас, наций, языков и культур предопределило глубокое своеобразие складывавшейся заново цивилизации, ее духовной жизни на всех уровнях.

Огромную роль в становлении молодой латиноамериканской литературы сыграла и общественно-политическая ситуация послевоенных десятилетий — взрывчатая, изобилующая катаклизмами.

Кричащие противоречия социальной действительности превратили Латинскую Америку в арену острейшей политической, классовой борьбы, история которой знала и славные победы и трагические поражения. Сложный, зигзагообразный ход революционного процесса обогатил общественную мысль континента ценным и дорогим оплаченным опытом.

Неудивительно, что прогрессивной литературе, формирующейся в этих условиях, оказались свойственны такие черты, как масштабность размышлений о природе человека и судьбах человечества, острота отрицания существующего уклада жизни. Как в свое время русская классическая литература, латиноамериканская проза актуализировала в своем опыте всю энергию гуманистических исканий мировой культуры.

При всем том, что латиноамериканский роман справедливо рассматривается во всем мире как цельное художественное образование, создан он писателями удивительно ярких и несхожих друг с другом дарований.

Лоса тяготеет к сложно сконструированным, часто гротескным изображениям повседневной жизни его страны. Заостренные коллизии этих романов ярко выявляют гибельность для человека существующей системы отношений.

Другой перуанский писатель, Мануэль Скорса в серии романов-баллад — «Траурный марш по селению Ранкас», «Гарабомбо-невидимка», «Бессонный всадник», «Сказание об Агашито Роблес» — все они были изданы одной книгой издательством «Прогресс» в прошлом году, — создает драматическую хронику борьбы крестьян-общинников за землю и лучшее будущее, широко используя при этом традиционные формы народного творчества, индейской мифологии.

Совершенно иные задачи ставит перед собой аргентинский писатель Хулио Кортасар, автор романов «Выигрыши», («Прогресс», 1979 год) «Игра в классики», «Книга Мануэля». В этих произведениях бьется обнаженная, часто парадоксальная философская мысль. В центре внимания Кортасара — судьба современного латиноамериканского интеллектуала, тяготящегося своей неприкаянностью, стремящегося найти свое место в борьбе за всеобщее освобождение.

А как не похожи друг на друга произведения, обращаясь к одним и тем же проблемам. Взять хотя бы тему диктатуры. Кубинский писатель Алехо Карпентьер в своем романе «Превратности метода» («Иностранная литература», 1977 год) создал язвительную сатиру на институт диктатуры. Главный герой романа, некий обобщенный диктатор, Глава Нации, оказывается прямым потомком героя испанского плутовского романа семнадцатого века, пройдохи и мошенника. Используя весь арсенал средств сатиры, Карпентьер обнажает духовную пустоту и ничтожество Главы Нации, его лакейское преклонение перед внешними формами западно-буржуазного образа жизни.

Такой обобщенный, символический образ диктатора возникает на страницах хорошо знакомого русскому читателю романа Гарсиа Маркеса «Осень патриарха». Автор стремится понять и объяснить читателю, как возможно столь длительное господство над страной, народом силы, враждебной народу, подавляющей его. Маркес исследует неочевидные, лежащие на глубине аспекты проблемы, прибегая к интересному повествовательному приему: многоголосый хор, представляющий народ, творит и одновременно развенчивает на наших глазах легенду о Патриархе.

А вот в романе Роа Бастоса «Я, Верховный» («Прогресс», 1980 год) речь идет о реальном историческом лице, парагвайском диктаторе первой половины прошлого века Франсии. Доктор Франсия осуществил в стране важные и прогрессивные социально-экономические реформы. Но он же отгородил Парагвай от внешнего мира, установил в духовной жизни страны режим принудительного единомыслия. Бастос строит роман как идеологический спор Франсии с его критиками и оппонентами, как диалог о том, можно ли насильственно ослепить народ, парализовав его волю и заменив ее безоговорочной верой в непогрешимость «Верховного».

О многообразии идейно-тематических поисков латиноамериканских писателей говорят и самые последние их публикации на русском языке, в журнале «Иностранная литература». Роман Мигеля Отеро Сильвы «Лопе де Агирре, князь свободы» рассказывает о знаменитом конквистадоре шестнадцатого века, подымавшем мятеж против испанской короны под флагом борьбы за независимость Перу и всего континента. Старую как мир проблему «власть и человек» Отеро Сильва решает на конкретном, достоверно выписанном материале латиноамериканской истории.

Повесть Маркеса «Хроника объявленной смерти» поднимает до уровня трагедии уголов-

ное происшествие в провинциальном колумбийском городке. Два брата, желая отомстить предполагаемому соблазнителю их сестры, намереваются убить его. Братья Викарио оказываются пленниками своих догматических представлений о чести: они считают себя обязанными совершить самосуд, хотя их человеческое естество восстает против убийства, тем более что вина Сантьяго Насара сомнительна. Множество людей в городке знает об их намерениях, но предотвратить гибельный исход не удается. С горечью размышляет писатель о том, почему обитатели городка не оборвали цепь событий, приведших к трагедии, почему они позволили совершиться тому, чего никто, в сущности, не хотел. Небольшая, блестяще написанная повесть Маркеса звучит страстным призывом к людям — осознать ответственность за происходящее вокруг, усилием доброй воли разорвать порочный круг насилия и жестокости.

Мир латиноамериканского романа эстетически удивительно активен, он стремится поразить, взять в плен воображение читателей. Но именно поэтому нам так трудно оторваться от поразительных картин этой kaleidosкопически яркой реальности. И хотя понятие «магический реализм», которым поначалу определяли художественную манеру писателей континента, сейчас далеко не покрывает многообразия жанров и стилей, присущих латиноамериканскому роману, все же близкое соседство изображаемой в нем реальности с необычным, чудесным остается характернейшей чертой этой литературы.

Жизнь в произведениях латиноамериканских прозаиков часто груба и жестока, полна насилия, грязи, крови — но не пресна, не уныла. Она причудлива, щедрна на неожиданности, богата возможностями, она содрогается от напора внутренних сил. Это чувство насыщенности жизни телесной красотой и духовным содержанием, ее избыточности — общее свойство писателей континента, независимо от различия их творческих складов.

И еще одно. Литература у латиноамериканцев не стыдится быть литературой. Она весело и вызывающе отказывается выдать себя за слепок с жизни, за добросовестную копию действительности. Читая «Сто лет одиночества» и «Осень патриарха» Маркеса, «Царство земное» и «Потерянные следы» Карпентьера, «Выигрыши» Кортасара мы ни на минуту не забываем, что перед нами — именно сочинения, порождения ума и фантазии автора. Художественная материя латиноамериканского романа дерзко экспериментальна, проникнута духом игры и карнавала. Ее создатели используют богатейший арсенал технических приемов, выработанных мировой литературой преимущественно в двадцатом веке, непринужденно сочетая их с фольклорными традициями, формами народного творчества. На страницах их произведений находится место и мифу, и притче, и сложному переплетению прошлого с настоящим, и многоголосому повествованию, и свободным переходам из реального плана в сказочный.

Духовным стержнем творчества прогрессивных писателей Латинской Америки служит гуманистическая идея преодоления недостойных человека форм индивидуальной и общественной жизни, преобразования всего облика человечества. И светом надежды на воплощение высоких идеалов окрашены даже самые горькие страницы их произведений. Они верят, говоря словами Фолкнера, что человек не только выстоит, но и победит.

Латиноамериканский роман открыт будущему, он ловит в свои паруса долетающий оттуда ветер перемен, обновления. И в этом — источник его творческой силы и молодости, залог того, что эта цветущая ветвь на древе мировой литературы будет плодоносить долго и обильно.

М. АМУСИН

Перуанец Марио Варгас